Союзного государства. В отношении его будущего можно говорить о трех возможных сценариях: оптимистическом, пессимистическом и вялотекущем, или неопределенном, как сейчас[1]. Последний сценарий характеризуется тем, что де-юре Союз вроде существует, а де-факто его строительство заморожено, более того, происходит кризис во взаимоотношениях. Это опасно тем, что может произойти взаимное разочарование и «развод». И тогда действительно Россия потеряет Белоруссию, а Белоруссия Россию. Для России, ко всему прочему, это будет означать ее сокрушительное поражение в борьбе за реинтеграцию на постсоветском пространстве.

Список литературы

Договор о создании Союзного государства Беларуси и России // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 2000. – № 1-2.

Буянов, В. Проблемы создания Союзного государства: геополитический аспект // Безопасность Евразии. – 2008. – № 4 (34).

Кравченко, П. Беларусь на распутье, или Правда о Беловежском соглашении. – М., 2006.

Примаков, Е.М. Годы в большой политике. – М., 2007.

© Ковалёва Э.В., 2009

А.С. Доронин

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ КОНФЛИКТАМИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ДОРОНИН Александр Сергеевич – соискатель ученой степени доктора социологических наук кафедры социологии РАГС (e-mail: doronin.smolensk@mail.com)

Аннотация. *В статье на основе обзора современной зарубежной литературы по проблемам социальных конфликтов рассматриваются вопросы управления конфликтными ситуациями.*

Ключевые слова: *социальный конфликт, общественные отношения, социальное управление, интересы, социальные институты, глобализация.*

[1] Подробнее см.: *Буянов, В.* Проблемы создания Союзного государства: геополитический аспект // Безопасность Евразии. – 2008. – № 4 (34). – С. 155–157.

Социальный конфликт – это состояние общества, характеризующееся столкновением интересов разных социальных групп. Следовательно, ключевой категорией социального конфликта является «интерес». Представим общество, в котором интересы всех социальных групп совпадают. В таком обществе, если бы оно существовало, само понятие «социальный конфликт» было бы бессмысленным. Однако подобного общества не существует – именно потому, что в основе жизни общества, его развития лежат не просто интересы, но разные интересы.

Собственно, фундаментальная для жизнедеятельности общества разность интересов его групп обязана природе человека, который на индивидуальном уровне способен реализовать свою родовую сущность деятеля лишь при условии, что у данного индивида будет интерес, потребность, мотивация деятеля. В несовпадении родового человека с индивидом и заключается разгадка разности интересов, приводящей к социальным конфликтам. Человек и создаваемая им среда его обитания – общество – таковы, что все, что в обществе происходит, имеет статистический характер. Все, в том числе интерес, имеет разброс своего проявления в диапазоне от отсутствия проявления до противоположного проявления. Отсюда – аксиома о разности интересов в обществе. Если бы в социуме реальные люди оказались реально объединенными родовым для человека интересом деятеля-созидателя, подобный бесконфликтный социум был бы «нечеловеческим» – системой, отрицающей фундаментальный для общества статистический порядок.

Отсюда следует вывод для системы управления в обществе: управление должно быть не «ручным» управлением людьми, но управлением разными интересами социальных групп, нацеленным на создание условий для достижения компромисса интересов. Компромисс интересов не означает исчезновения их разности. Он означает превентивное тушение социальных конфликтов и укрепление социального мира при сохранении сторонами своих интересов. Таким образом, прямая и главная задача управления в обществе – не дать потенциальным социальным конфликтам, потенциал которых содержится в неустранимой разности интересов социальных групп, превратиться в актуальные конфликты. Заметим, что в отличие от плюрализма интересов, создающего саму возможность социального творчества, развития, социальные конфликты, скорее, деструктивны, поскольку в конфликтах интересы вместо решения социально созидательных задач заняты борьбой друг с другом.

В мировой социологической литературе проблематика социальных конфликтов стала напрямую увязываться с управленческой проблематикой с 1980-х гг., когда социологи констатировали крупные институциональные изменения в мировом социуме, названные организационно-управленческой революцией. Эта социально-организационная и управленческая революю-

ция последовала в результате очередной технологической революции, связанной с компьютерными технологиями, которые принесли с собой реальность информационного общества. В научной литературе Само понятие «информационное общество» указывает, что речь идет не просто о поступлении в общество новых технологий, но именно о новом обществе – с новым типом коммуникации и новым типом управления. Причем этот новый тип коммуникации и управления экспансивен, поскольку обеспечивающие его новые информационные (компьютерные) технологии захватывают глобальное пространство, а коммуникация и, следовательно, управление спонтанно стремятся стать глобальными. Отсюда неполитический, чисто технологический процесс информационной глобализации, вызвавший феномены глобальной экономики и информационного общества, тоже глобального. Сегодня мировой социум, выстраивающийся как информационное общество, вынуждает страны адаптироваться к устанавливающемуся глобальному порядку, меняться институционально, менять управление, приноравливая его к возникшей новой социальной реальности.

Главная особенность новой социальной реальности – демократизация мирового социального пространства. Фундаментальные для общества статистические процессы – самоорганизация, самоуправление – получили гораздо больший простор, чем до информационной глобализации, во времена разобщенного в своих «национально-суверенных квартирах» мирового социума. Современный, «вышедший из повиновения» социум создал проблемы для самого института управления, поставил его перед необходимостью серьезного своего изменения именно в связи с резким повышением значимости фактора разных интересов в обществе. Групп интересов стало намного больше – прямое следствие усиления в обществе статистического, самоуправленческого начала, что и реально повысило социальную конфликтность. Рост конфликтности общества потребовал принципиально нового управления – именно управления – разностью интересов социальных групп, причем задача такого управления усложнялась из-за множественности групп интересов.

Так, фактически свершившаяся социально-организационная, институциональная революция – по факту формирования информационного общества и глобальной экономики – поставила вопрос об управленческой революции. В действительности управление в обществе – от государственного управления до управления на уровне отдельной фирмы/организации – никогда не было управлением разными интересами/конфликтами. Эту важнейшую в обществе управленческую задачу худо-бедно решали демократические институты. Однако в условиях формирования информационного общества и глобальной экономики, высвободивших потенциал социальной самоорганизации, потенциал разных групп интересов и, соответственно, потенциал социальных конфликтов, оказалось, что управления

всем этим потенциалом со стороны традиционных демократических институтов недостаточно. Потребовался переход к прямому управлению разными интересами/конфликтами.

Эту объективную потребность общества в управленческой революции выразил, в частности, видный социолог П. Дракер в идее необходимости перехода от традиционного «управления людьми» к «управлению знанием»: «К началу 1950-х годов содержание понятия ”руководитель“ изменилось, Оно стало означать: ”человек, отвечающий за эффективность и результаты работы коллектива“. Сегодня мы понимаем, что и это определение слишком узко, а адекватным следует считать: ”человек, отвечающий за применение и эффективность знания“. Знание стало главным, а не просто одним из видов ресурсов. Такие материальные ресурсы, как земля, рабочая сила и капитал, разумеется, важны. Однако они сегодня, скорее, сдерживающие, ограничивающие факторы. Ибо если обеспечено эффективное управление в смысле управления, основанного на знании, другие ресурсы всегда можно изыскать. Данное обстоятельство изменяет структуру общества, и при этом коренным образом. Оно создает новые движущие силы социального и экономического развития»[1].

Главный смысл понятия «управление знанием» – не столько в термине «знание», сколько в отказе от традиции «управления людьми» в пользу «управления проблемами». Поэтому «управление знанием» расшифровывается как «управление, знающее, что такое современное общество, каковы его реальные проблемы и как их решать». В такую интерпретацию формулы «управление знанием», конечно, вписывается весьма актуальная в современном обществе предметность разных интересов/социальных конфликтов, хотя П. Дракер и не упоминает прямо об этой предметности, скрывая ее в понятии «знание».

Связь социальных конфликтов с разными интересами в обществе, социальным управлением и социальными институтами указывает на истоки возникновения социальных конфликтов – общественные отношения. Действительно, общественные отношения не существуют вне упорядочивающих их социальных институтов. В свою очередь, социальные институты, упорядочивая общественные отношения, выполняют функцию социального управления именно общественными отношениями. Институциональное же управление общественными отношениями, лишь частью которого, а не самостоятельным «ведомством», призваны быть специализированные органы управления в виде государственного управления и управления в фирмах/организациях, и есть управление разными интересами в обществе, поскольку в общественные отношения вступают люди с разными интересами.

---

[1] *Дракер, П.* Посткапиталистическое общество // Новая индустриальная волна на Западе : антология ; под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999. – С. 97–98.

Поэтому, на наш взгляд, задача создания теоретической модели социальных конфликтов, учитывающей очевидную связь социальных конфликтов с разностью интересов в обществе и проблемой социального управления/самоуправления, должна решаться на пути теоретической разработки фундаментальной социологической категории «общественные отношения». Нам представляется, что в социологической науке уже имеется теоретическая разработка категории «общественные отношения», которая могла бы стать специальным теоретико-методологическим снованием понимания, объяснения и анализа явления социальных конфликтов. Это – целый спектр социологических теорий социального обмена, в принципе рассматривающих рождение и развитие общества, общественных отношений как рождение и развитие отношений (института) обмена, когда люди реализуют свою социальную природу, вступая в отношения обмена. Подобное понимание человека и общества развивали видные социологи, начиная с Э. Дюркгейма, который выдвинул идею общества как «социальной солидарности» на базе «социального взаимодействия»[1].

В понятии Э. Дюркгеймом социального взаимодействия и была заложена «мина» социальной конфликтности, поскольку взаимодействуют люди, охраняющие себя как субъекты, которые не желают превращаться друг для друга в «объекты». То есть социальное взаимодействие носит неустранимо напряженный характер взаимного отстаивания своего субъектного права – характер соперничества, конкуренции, что формирует в обществе психологическую атмосферу готовности к конфликтам. Механизм же «напряженного» (конкурентного) социального взаимодействия описали Г. Зиммель, П. Блау, М. Мосс. Они пришли к выводу, что этот механизм – именно отношения обмена, в которых люди, обмениваясь материальными или духовными «дарами», реализуют две человеческие задачи общежития: 1) человеческой взаимосвязи – социального единства; 2) отстаивания личностного суверенитета через обмен «дарами» по мотиву «не быть должником», поскольку должник, не отвечая на «дар», утрачивает свой суверенитет перед «дарителем»[2].

В пункте 2 зафиксирована неустранимая в обществе конкурентная ситуация, обязанная фундаментальному для человека сознанию «я не хуже другого». Когда «другой» делает ход, «я» обязан ответить, чтобы доказать свой субъектный статус. Это – социальный обмен, который может осуществляться и как прямое, и как косвенное взаимодействие людей. Таким образом, социальное взаимодействие всегда «напряжено», всегда несет в себе

---

[1] См.: *Дюркгейм, Э.* Социология: ее предмет, метод, предназначение ; пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М., 1995; *Он же.* О разделении общественного труда. Метод социологии ; пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М., 1991.

[2] См.: *Зиммель, Г.* Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования ; пер. с нем. И.И. Бокача и И.А. Ильина ; под ред. Б.А. Кистяковского. – М., 1909; *Simmel, G.* The philosophy of money. – L., 1978.

конфликтный потенциал. П. Блау отмечает историческую эволюцию социального взаимодействия/обмена – постепенную трансформацию отношений обмена из отношений примитивного обмена (материальными дарами) в сложный социальный обмен, именно в институт. Более того, само понятие института Блау отождествляет с понятием социального обмена – конкурентного социального взаимодействия, определяя социальный институт как «нормативное, регулирующее закрепление отношений конкуренции с целью получения вознаграждения и избежания наказания»[1].

Подобным образом М. Мосс на материале современных примитивных обществ – этнографических свидетельств жизненного уклада аборигенов Океании, Австралии, Северной Америки – показывает, что даже в таких обществах процессы обмена не есть просто «сделки», но носят характер «универсального социального взаимодействия», т. е. представляют собой социальный институт[2].

Подчеркивая мотив «стремления к вознаграждению и избегания наказания» в конкурентных отношениях обмена, Блау демонстрирует это социальное взаимодействие как прогресс, развитие. Действительно, поскольку обменивающиеся стороны все время стремятся к достижению ситуации, которая была бы для них вознаграждением, а не наказанием, они вынуждены приходить к компромиссу в распределении вознаграждения, что объективно продвигает ситуацию в каждом обменном «цикле» к лучшему состоянию для всех участников. То есть конкурентная среда социального взаимодействия/обмена оказывается институциональным механизмом социального развития-прогресса. Как конкретно действует этот социальный механизм прогресса по стимулу вознаграждения читаем у того же П. Блау, выделяющего в функционировании социального обмена четыре вида вознаграждения: 1) деньги; 2) социальное одобрение; 3) уважение; 4) уступки. Оценивая степень притягательности для участников социального взаимодействия/обмена каждого из этих видов вознаграждения, Блау выдвигает важное положение: наиболее притягательный вид вознаграждения – уступки. Тем самым он указывает на опасность для самого института социального обмена, заключающуюся в том, что участники социально-обменных процессов, добиваясь для себя уступок, приобретают возможность диктовать свои условия в социальном обмене, который, поэтому, перестает быть равноправными отношениями обмена, превращаясь в отношения власти/подчинения[3].

Это довольно убедительная демонстрация той реальности общества, что институт власти исторически рожден и воспроизводится именно захва-

---

[1] *Blau, P.* Exchange and power in social life. – N.Y., 1964. – P. 273–280.

[2] См.: *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии ; пер. с фр. – М., 1996. – С. 89.

[3] *Blau, P.* Exchange and power in social life. – P. 273–280.

том власти в фундаментальных для общества обменных отношениях и что он, поэтому, естественный антагонист конкурентной среды социального обмена, всегда стремится свести ее к минимуму. Тем самым теория социального обмена объясняет не просто появление, но необходимость появления демократии – общественного договора, по которому государственная власть обязана быть подконтрольной обществу именно в качестве специализированного органа управления, частью фундаментального института общественного самоуправления/ социального обмена.

Теория социального обмена показывает:

– социальные конфликты – это фундаментальная в обществе потенциальная реальность;

– потенциал социальных конфликтов коренится в неустранимо конкурентных общественных отношениях – неустранимо, поскольку даже если в них происходит «захват власти», а он происходит, социальная конкуренция ограничивается, уходит в подполье, но не исчезает, как не может исчезнуть конкурентная, субъектная природа человека;

– сам по себе потенциал социальных конфликтов, обязанный отношениям социальной конкуренции, не только не опасен, но, напротив, связан с социальным развитием-прогрессом, поскольку этот потенциал накапливается в отношениях социальной конкуренции, двигающих общество вперед;

– опасность приходит, когда социальные конфликты превращаются из потенциальной реальности в актуальную реальность, что свидетельствует о сбоях в механизме социальной конкуренции – именно о прецедентах «захвата власти» в отношениях социального обмена;

– состоявшиеся социальные конфликты требуют мер по восстановлению в обществе полноценного института социальной конкуренции/социального обмена, т. е. демократических институтов как фундаментального социального механизма управления социально-конфликтным потенциалом;

– разность интересов в обществе как почва для социальных конфликтов получает свое фундаментальное обоснование в субъектной природе человека, заставляющей людей выстраивать конкурентные (субъектно-субъектные) отношения социального обмена именно с целью достижения компромисса между разными субъектами/интересами.

С учетом всех этих показателей теория социального обмена могла бы послужить фундаментальной теорией управления социальными конфликтами и достижения социального мира в современном обществе, вошедшем в координаты информационной и экономической глобализации. Это общество больших социальных напряжений из-за более свободного столкновения интересов, чем это было в разобщенном на «национальные квартиры» мировом социуме. В новом мировом социуме интересы не только

раздробились, выросли количественно, но и вышли в неупорядоченное транснациональное пространство. Именно неупорядоченность этого глобального пространства, состоящая в отсутствии глобального управления при острой в нем потребности, делает новый мировой социум высоко конфликтным. Беспрецедентный рост общественной свободы, субъектного начала в обществе, явно опережающий соответствующую перестройку управления, выливается в неуправляемый процесс превращения социально-конфликтного потенциала освобожденной социальной конкуренции в реальные социальные конфликты. Здесь и могла бы помочь теория социального обмена, в сущности, моделирующая достижение социального мира по механизму управления конкуренцией между субъектами/интересами, управления, которое не дает социально-конфликтному потенциалу этой конкуренции стать реальными социальными конфликтами, направляя конкуренцию в русло компромисса в интересах социального прогресса.

Показательно, что в 1990-е гг. социологи стали усиленно развивать некую спецификацию теории социального обмена – теорию федерализма – именно как теоретическое обоснование адекватных мер по достижению социального мира в обществе, которое демонстрировало беспрецедентный рост субъектного сознания, социальной конкуренции и реальных социальных конфликтов. Действительно, теория федерализма, ярко заявившая о себе по актуальному поводу социально-организационной и управленческой революции, о которой (см. выше) говорил П. Дракер применительно к мировому социуму, вошедшему в координаты информационной и экономической глобализации, заслуживает отдельного рассмотрения в качестве теории среднего уровня в отношении социальных конфликтов/социального мира.

В этой теории понятие «федерализм» используется в широком смысле – как способ институциональной организации общественных отношений, подсказанный федеративной формой государственного устройства. Нельзя не заметить, что федеративное государство моделирует общество, институционально идентичное обществу, моделируемому теорией социального обмена. Действительно, федеративная форма общежития и управления использует тот же принцип достижения социального единства/социального мира, что и теория социального обмена – через компромисс между интересами разных субъектов социального целого. Тем самым теория федерализма, имеющая эмпирическую опору в практически действующей социальной технологии (практике федеративных государств), оказывается очень важной социологической теорией среднего уровня по отношению к общей теории социального обмена. Важность же теорий среднего уровня в социологической науке бесспорна. Собственно, теории среднего уровня и сообщают социологической науке все то, что делает науку наукой – объяснительную и прогностическую силу.

Поэтому теория социального обмена именно через теорию федерализма способна адекватно ответить на вопрос «что делать» в отношении вызова современного, в высокой степени конфликтного социума «порядку», управлению, социальному миру. Ответ гласит: распределение социальной ответственности на всех уровнях и во всех секторах общества между многими субъектами, т. е. децентрализация системы социального управления – вот что необходимо сделать для перехода от неэффективного «управления людьми», лишь провоцирующего социальные конфликты, к эффективному «управлению интересами», гасящему социально-конфликтный потенциал общества. Один из видных социологов, теоретиков федерализма Д. Элазар прямо назвал федерализм «дорогой к социальному миру», отметив, что современный мировой социум не случайно претерпел подлинную «федералистскую революцию», в результате которой около 80% населения планеты сегодня проживает в политиях, формально являющихся федерациями или каким-то образом использующих федералистскую организацию.

Не только Д. Элазар, но и другие социологи, в том числе российские, считают федеративную государственность высоко адаптивной в современных условиях активизации дивергентных, сепаратистских процессов субъектного самоутверждения общества. Федерализм стал адекватным ответом на эти процессы, предложив вместо борьбы с самоопределением общества институциональное обеспечение этого самоопределения – новый общественный договор, закрепляющий право общества на самоуправление. Это право гарантируется тем, что федералистское управление в обществе децентрализовано по территориям, когда равноправными субъектами становятся территориальные единицы страны – регионы и муниципальные территории, а федеральный центр выполняет функцию координатора деятельности территориальных субъектов в целях сохранения территориальной целостности страны.

Отсюда – важные социальные последствия федерализма. Во-первых, «выпускается пар» субъектным амбициям общества, которые реализуются в правовом поле территориального самоуправления. Однако чтобы эта правовая реализация состоялась, необходима выборность всего территориального управления – регионального и муниципального. Лишь получившее свой мандат на выборах территориальное управление будет представителем общественного самоуправления, а назначенное – нет.

Во-вторых, сепаратизм не только упреждается правовым инструментом территориальной децентрализации, но и объявляется вне закона, поскольку федерализм призван, чтобы в обмен на признание права общественного самоуправления сохранить единство общества.

Значимые социальные конфликты – это всегда конфликты в сфере социального управления/самоуправления, т. е. конфликты между управляе-

мыми и управляющими. Действительно, между обществом и государственной властью существует вечный социальный конфликт, который может затухать и разгораться, но никогда не исчезнет. И на локальном уровне в обществе всегда есть конфликт между управляемыми и управляющими. Это «матрица» социальных конфликтов, поскольку интересы управляющих прямо наступают на интересы управляемых в ограничении управляющими прав и свобод управляемых. Именно для того чтобы минимизировать социально-конфликтную «матрицу», всегда шли поиски оптимального принципа управления в понятном направлении – поиска механизма достижения компромисса между интересами управляющих и управляемых. Такой общий механизм был найден в демократии, установившей приемлемый для управляющих и управляемых баланс управления/самоуправления. В условиях же информационной и экономической глобализации оказалось недостаточно «старой» демократии. Потребовался новый общественный договор, вводящий, по П. Дракеру, принцип управления «не людьми, а знанием».

Почему нужен отказ от «управления людьми»? Потому что «управление людьми» и есть прямое наступление интересов управляющих на интересы управляемых, т.е. воспроизведение «матрицы» социальных конфликтов. Федералистский принцип территориальной децентрализации управления выступил ответом на потребность нового баланса управления/самоуправления со сдвигом в сторону самоуправления – интересов управляемых.

Удовлетворение общественного спроса на самоуправление важно и в интересах управляющих, поскольку к ним снижается уровень «обиды» со стороны управляемых, получающих больше прав и свобод, хотя в демократии уровень открытых претензий к правительству велик. Однако демократические претензии к правительству – это такая «матрица» социальных конфликтов, которая проявляется в обществе неопасными конфликтами, поскольку в демократии достижение компромисса интересов становится институциональным механизмом, т. е. приобретает правовой, принудительный характер. Это институционально-правовое принуждение к низкой социальной конфликтности, социальному миру и целостности страны.

Список литературы

Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии ; пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М., 1991.

Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии ; пер. с фр. – М., 1996.

Прошанов, С.Л. Социология конфликта в России: история, теория, современность. – М., 2008.

© Доронин А.С., 2009